

Мо Чжиянь ворвался в подземный грот, спотыкаясь и едва держась на ногах.

Не успев обрести равновесие, он наступил на острый выступ скалы, пошатнулся и рухнул на колени. Его зрачки расширились от изнеможения; обессиленно растянувшись на камнях, он судорожно хватал ртом раскаленный воздух.

Жар под землей стоял невыносимый. Даже Линь Му, достигший стадии Золотого ядра, ощущал дискомфорт, что уж говорить о слабом уровне развития Чжияня. Пока юноша добирался сюда, пот катился с него градом, и теперь его одежды можно было выжимать — казалось, его только что вытащили из реки.

Мо Чжиянь чувствовал, что его жизнь превратилась в сплошную череду катастроф.

С самого момента перемещения в этот мир всё шло наперекосяк, точно его кто-то проклял. Имея на руках готовый сценарий и зная будущее, он умудрился оказаться в столь плачевном положении — это не поддавалось никакому логическому объяснению.

Всего несколько минут назад, прячась в расщелине, он собственными глазами видел, как Танси Юйфэн исчез в провале, и его сердце тогда заледенело от страха.

Еще когда старшему брату оторвало руку, он не смел больше смотреть на это побоище. Теперь же, переборов дрожь, он выглянул наружу и замер, потрясенный увиденным.

Ледяные пустоши были разворочены, лабиринт обращен в руины.

Битва почти полностью уничтожила равнину: ослепительно белая поверхность раскололась надвое гигантским разломом, а те места, что уцелели от трещин, были изрыты воронками от заклинаний и атак.

На ближайшем ледяном осколке, точно жуткое украшение, застыли брызги свежей крови.

Мо Чжиянь уставился на это багровое пятно, вспоминая, как Танси Юйфэн летел вниз. Он судорожно сглотнул, и в его глазах отразился неконтролируемый, животный ужас.

В этот самый миг резкий, леденящий душу звук трения чешуи об лед резанул по ушам.

Кожа на голове юноши мгновенно онемела от страха. Неопикуемый ужас сковал сердце — тень смерти накрыла его.

Королевская змея Нефритовой бабочки поднял голову над краем великого разлома, медленно покачивая хвостом.

Чешуйки, вырванные «Шёлком иллюзий брэнной жизни», восстанавливались с невероятной скоростью. Свежий изумрудный панцирь сегмент за сегментом покрывал тело монстра, скрывая кровоточащие раны.

Змей высунул алый раздвоенный язык и вольно расправил кольца. От былых повреждений не осталось и следа.

Мощь плоти демонических существ многократно превосходила человеческую. Если заклинатель не посвятил жизнь закалке тела, он не мог тягаться с яо в физической силе.

И вот результат: Танси Юйфэн применил все свои козыри и теперь балансировал на грани жизни и смерти, в то время как его враг уже вернулся в пиковую форму.

— Еще один человечиска, ищущий смерти...

Низкий, вибрирующий голос демона отозвался в теле Чжияня чудовищным давлением. Казалось, сама атмосфера сгустилась, готовая раздробить его кости.

Огромные змеиные глаза сверкали расплавленным золотом, а вертикальные черные зрачки впелись в него холодным, лишенным эмоций взглядом.

Чудовище взирало на него свысока, точно воплощение самой Смерти.

Мо Чжиянь обмяк, его колени мелко и часто дрожали. Глядя на приближающегося врага, он попятился назад, помогая себе руками и ногами; он даже не заметил, как острые ледяные грани располосовали его ладони.

Сделав еще несколько поспешных движений, он внезапно почувствовал, что опора исчезла.

Рука полоснула по пустоте.

Сам того не замечая, он отступил к краю той самой расщелины, в которую упал Танси Юйфэн.

Впереди — свирепый и могучий яо, позади — стометровая бездна.

Выбор был очевиден.

Движимый запредельным страхом, Чжиянь неведомо откуда взял силы: он резко оттолкнулся

ногами и, кубарем скатившись по трехметровому пологому склону, окончательно потерял опору, проваливаясь во тьму.

При падении он едва не разбился насмерть; казалось, каждая косточка в теле сместилась со своего места.

Странно, но змей почему-то не последовал за ним.

Мо Чжиянь не смел расслабляться. Вдоль узкого прохода он полз и катился вперед, и лишь оказавшись глубоко под землей, позволил себе короткую передышку.

— Шисюн?..

Ощущение чужого ледяного взгляда на затылке наконец исчезло. Придя в себя после приступа неконтролируемой дрожи, он увидел человека, лежащего неподалеку.

Мо Чжиянь не поверил собственным глазам.

Разве это существо могло быть Танси Юйфэном?

Тот Дашисюн, которого он знал, происходил из знатного рода заклинателей, был избранником небес, на которого возлагали надежды и семья, и школа.

В романе он всегда появлялся в белоснежных одеждах, отрешенный от мирской суеты. С мечом «Летящей песни» в руках, он стоял прямо и гордо, точно сосна на скале, и стоило ему взмахнуть рукавом, как меркли даже звезды в ночном небе.

Но человек перед ним... Его руки были отсечены, он беспомощно лежал в грязи. От белых одежд не осталось и следа — лохмотья пропитались кровью и нечистотами, длинные волосы спутались в грязный ком.

Щеки были грубо рассечены лезвием, рот полон запекшейся крови, сквозь которую виднелось изуродованное мясо...

Что здесь произошло?!

Чжиянь бросился к нему, приподнял и, сгорая от нетерпения, принялся засыпать вопросами:

— Шисюн, ты слышишь меня?! Как ты? Что с тобой? Кто сотворил это?!

Слова сыпались из него градом, точно пулеметная очередь, оглушая израненного Танси

Юйфэна.

Тот издал глухой стон и приоткрыл глаза. Его взгляд был расфокусирован, и лишь спустя долгое время он сумел различить лицо перед собой.

Стоило ему узнать младшего брата, как сердце заклинателя словно сжала раскаленная рука.

В порыве запредельного ужаса он судорожно дернулся.

Но его Зарождающаяся душа была разрушена, духовные силы покинули тело, и теперь даже Мо Чжиянь на стадии Создания основ мог с легкостью его удержать.

Юйфэн не только не смог вырваться, напротив — собеседник еще крепче прижал его к себе.

— Шисюн? Что с тобой? — Чжиянь, не подозревая о буре в душе раненого, продолжал настойчиво допытываться.

Видя искреннее беспокойство на лице юноши и слыша его полные заботы вопросы, Танси Юйфэн почувствовал, как пути кошмарного проклятия начинают ослабевать.

Голос младшего брата, подобно прохладному лесному ручью, вливался в его измученное сердце, принося покой.

Страх, терзавший Дашисюна, начал отступать, и судороги в теле постепенно утихли.

«Младший брат заботится обо мне...»

«Всё совсем не так, как говорил Мо Сюнь».

«Нет... быть не может».

«Все эти годы... и в прошлой жизни... моя защита не была напрасной. Я оберегал того, кого стоило оберегать».

Танси Юйфэн преисполнился глубокого презрения к самому себе.

Как он мог поверить ядовитым речам этого неблагодарного волка Мо Сюня? Как мог так низко пасть, чтобы начать подозревать Чжияня?

В это время Мо Чжиянь понял, что в таком состоянии он ничего не добьется от Юйфэна.

Тот не мог даже вымолвить слова, какой смысл спрашивать?

Но... как вытащить его отсюда в таком виде?

Они находились в самом сердце непроходимых лесов Южных земель, где на каждом шагу подстерегали ядовитые твари и смертельные опасности. В одиночку юноше здесь не выжить.

Впрочем, об этом можно подумать позже. Он пришел сюда за делом.

«Кровь бога»

Мо Чжиянь наконец нашел в себе силы осмотреться, и его сердце учащенно забилося.

Подземелье, грот, невыносимый жар... пусть здесь и не было гор золота, но это место в точности соответствовало описанию сокровищницы из книги!

Но...

Где сокровища?

Перед ним зиял пустой грот. Темно-коричневые стены были неровными и грубыми, неподалеку виднелась глубокая яма.

Мо Чжиянь заглянул в нее, но увидел лишь такую же темную землю. Не желая верить в неудачу, он спрыгнул вниз и обшарил каждый угол, едва не перекапывая почву руками, но всё было тщетно.

Ничего. Совсем ничего.

Вспоминая изуродованного Танси Юйфэна и понимая, что в пещере было всего три человека, юноша медленно повернул голову. Его взгляд упал на жалкие останки заклинателя, и голос его задрожал от холода:

— Шисюн... здесь был Мо Сюнь?

Стоило ему произнести это имя, как в глазах Танси Юйфэна вспыхнула яростная ненависть и отвращение.

Его окровавленные губы зашевелились, исторгая хриплые, неразборчивые звуки — казалось, он готов был разорвать этого человека на куски и пожрать его плоть.

Но в этой ярости сквозила и едва уловимая, щемящая печаль.

Этот взгляд разительно отличался от того нежного и полного тайной жажды взора, которым он когда-то смотрел на Мо Сюня.

Эта перемена заставила Мо Чжияня впасть в отчаяние.

Ответ был ясен и без слов.

Мо Сюнь был здесь.

Он искалечил Танси Юйфэна и забрал всё под чистую. Не оставил не то что «Крови бога» — ни единого гроша.

«МО! СЮНЬ!»

В один миг сердце Чжияня захлестнула неопишуемая ярость.

Он потратил столько сил, чтобы добраться сюда, прошел через смертельные опасности, едва не погиб... и ради чего?!

Всё досталось другому!

«Неужели таков истинный Протагонист?»

«Неужели такова мощь Дитя удачи, хранимого самими Небесами?»

Второе поражение кряду окончательно растоптало ту спесь, с которой он начинал свой путь попаданца.

Тогда он верил, что именно он — истинный избранник судьбы. Опираясь на знание сценария, он вел себя самоуверенно и надменно, взирая на местных жителей свысока. Теперь же от этого высокомерия не осталось и следа.

Но почему?

«Почему реальность так сильно разошлась с сюжетом?»

Мо Чжиянь чувствовал, что упускает нечто важное — некую деталь, которая тревожила его и раньше, но которую он отмахивал, находя удобные оправдания.

Сердце юноши пропустило удар.

Точно. Мо Сюнь вообще не должен был появиться здесь так рано!

Но он здесь.

Почему?

И зная характер Мо Сюня... с чего бы ему без причины так жестоко расправляться с Танси Юйфэном?

Некоторые раны на теле Юйфэна были настолько ужасны, что даже Чжияню было тошно на них смотреть. Человек, сделавший это, должен был обладать поистине демонической жестокостью.

Даже если бы Юйфэн попытался помешать ему забрать кровь, Мо Сюнь мог бы объясниться или просто проигнорировать его, но никак не сотворить такое!

И еще...

Сразу после его перемещения Система выдала ошибку и ушла на долгое техобслуживание.

Что это была за «ошибка»?

Не успела Система вернуться в строй, как семья Ли преподнесла первый сюрприз.

Откуда Ли Чжунчэн узнал о его истинном происхождении?

Раньше Чжиянь думал, что виной всему Мо Шестнадцать, но теперь понимал: даже если Фусун и узнал слугу, он вряд ли стал бы рассказывать об этом посторонним.

Всё-таки он был старейшиной Дивного края Хуами.

Впрочем, сейчас это не имело значения. Важно было другое...

«Крови бога» нет, второй путь спасения отрезан. Он не сможет заполучить покровительство Бессмертного владыки Хуаюя. Танси Юйфэн превратился в калеку — он потерял одного из самых сильных союзников.

От этих мыслей Мо Чжияня охватило раздражение.

Тоже мне, первый ученик великой школы, любимец главы... Столько пафоса, а на деле...

Постойте.

Ученик великой школы? Избранник небес?

«У шисюна врожденное Глазурное сердце, он — истинное дитя удачи»

Слова Линь Му внезапно прозвучали в его памяти.

Холодный голос, подобный зимнему инею, отчетливо отозвался в сознании.

Всего полдня назад, в Бронзовом зале, когда он всеми силами пытался удержать внимание Танси Юйфэна, боясь, что того притянет к главному герою по законам жанра...

Линь Му, который весь путь хранил молчание, внезапно произнес эту фразу.

«Глазурное сердце... Глазурное сердце...»

В романе было описание этой особенности Юйфэна.

Чжиянь вспомнил: когда главный герой только вернулся в школу и узнал, что Бессмертному владыке Хуаюю осталось недолго, он в отчаянии обыскал всю библиотеку. Там, в самых темных глубинах хранилища, под слоем вековой пыли, он нашел ветхую книгу.

Страницы ее пожелтели и рассыпались, словно ее боялись открывать. Мо Сюнь с трудом разбирает слова на тех клочках, что остались... Кажется, там говорилось...

Тук-тук! Тук-тук!

Сердце Чжияня вновь забилось в предвкушении.

Шея его словно заржавела, голова казалась налитой свинцом. Он дюйм за дюймом поворачивал ее, глядя на лежащего на земле Юйфэна, который был не в силах даже присесть. Глаза Чжияня налились кровью.

Он посмотрел на Танси Юйфэна новым взглядом.

Язык отрезан — он не может говорить. Рук нет — он не может писать. Зарождающаяся душа разрушена — он не может передать мысль духовным путем.

Идеально.

Впервые в жизни он почувствовал благодарность к Мо Сюню.

— Шисюн...

Голос юноши охрип, в глубине глаз промелькнул злоеший огонек.

Но это длилось лишь миг. Он быстро скрыл свое торжество, вновь бережно приподнимая Юйфэна. Его тон стал невероятно нежным и заботливым, он даже осторожно отер кровь с его лица.

— Шисюн, не бойся. У меня еще остались артефакты, я выведу тебя отсюда.

Сияние талисмана телепортации погасло в пещере.

Линь Му, придерживаясь рукой за сталактит, медленно вышел из тени.

Длинные густые ресницы дрогнули; юноша посмотрел туда, где исчезли двое, и багряный свет в его глазах окончательно угас.

Талисманы, способные на дальнюю телепортацию, были сокровищами куда более редкими, чем даже самые вместительные пространственные артефакты. Лишь великие мастера-ремесленники на уровне старейшин крупных школ были способны создать столь ценные свитки.

У Танси Юйфэна такого не было. Лишь Мо Чжиянь, как сын главы школы, тайно хранил один при себе.

Он берег его до последнего, не говоря даже Юйфэну, и использовал лишь тогда, когда оказался припертым к стенке.

Линь Му взглянул на мешочек из шелка снежного шелкопряда в своей руке.

Ткань была холодной и гладкой на ощупь — истинная роскошь.

От нее исходил тонкий, едва уловимый аромат, напоминающий о таянии снегов и распускании подснежников. Всего одна капля этого запаха приносила ясность в хаотичное, почти поглощенное тьмой сознание Линь Му.

Падение в демоническое состояние не происходит мгновенно, и вернуться из него непросто — тьма подтачивает сам разум.

Этот аромат, способный так быстро привести его в чувство, несомненно, был редчайшим сокровищем.

Один из подарков Госпожи Циньхуа для Танси Юйфэна.

Этот пространственный мешочек был последним высокоранговым артефактом у Юйфэна. Линь Му не побоялся присвоить наследие самого Гу Суйчжи, так что он без малейших угрызений совести ограбил и шисюна.

Вспомнив о Гу Суйчжи, Линь Му словно пробудился от тяжелого сна.

Остатки алого света бесследно исчезли из его взгляда. Он часто моргнул, и зловещая, демоническая аура, окружавшая его, рассеялась.

Казалось...

С того самого момента, как всё началось, Гу Суйчжи не проронил ни слова.

Линь Му пребывал в странном оцепенении, смутно припоминая свои недавние поступки: как он отрезал язык Юйфэну, угрожал ему, предлагал какое-то пари...

Всё это выглядело как поведение настоящего...

Маньяка.

«Просто возмутительно»

«Как я мог творить такое на глазах у других?»

Линь Му запоздало почувствовал острую неловкость. Он бессознательно одернул подол одежды и попытался поправить волосы, но случайно задел пылающее ухо. Отдернув руку, словно обжегшись, он позволил прядям снова рассыпаться по плечам.

Столько суеты, и всё впустую.

Тревога нарастала. Он закусил губу:

— Старший, я...

«Великолепно»

В сознании раздался глубокий, удовлетворенный вздох.

Так вздыхает человек, который после долгого голода наконец-то досыта наелся. В этом звуке сквозило подлинное наслаждение.

— Отлично! — воскликнул Гу Суйчжи. — Ты прирожденный гений нашего пути! Блестящая работа!

Линь Му: «...»

За последнее время Гу Суйчжи вел себя настолько дружелюбно, что юноша совсем позабыл: этот человек носит титул Владыки демонов, а его истинная природа — свирепый род драконов.

О жестокости демонических существ и говорить не стоило.

Гу Суйчжи всё еще пребывал в восторге от того, как изящно был сокрушен Танси Юйфэн. Казалось, его душа, скованная холодом смерти в течение тысяч лет, вновь ожила. В своем упоении он был еще более бесчувственным, чем сам Линь Му.

— А? Ты что-то хотел сказать?

— Ничего.

Гу Суйчжи ему не поверил.

Он прекрасно знал: когда говорят «ничего», на самом деле в мыслях скрыто очень многое. Недолго думая, он сам заглянул в недавнюю память юноши.

Почувствовав это, Линь Му невольно сжал пальцы.

На его суставах еще виднелись следы крови, и от этого прикосновения пальцы словно опалило румянцем.

— Старший, не надо...

Но его слова не остановили Владыку демонов.

Тот был истинным демоном — не тем благородным мужем, что остановится по первой просьбе. Он всегда поступал лишь так, как ему заблагорассудится.

Раз уж он начал смотреть, то решил не ограничиваться малым. Сначала он еще раз восемьдесят пересмотрел тот момент, когда Линь Му назвал его мужем. Затем перешел к расправе над Танси Юйфэном.

А после...

Он увидел мальчика с едва угасшим пламенем жажды убийства в глазах. Его губы были плотно сжаты, ресницы подрагивали, а в опущенном взгляде читалось... нелепое стеснение. Он так боялся, что Старший сочтет его слишком жестоким.

Поведение, диаметрально противоположное тому, как он угрожал Юйфэну.

Черно-алый свет еще не покинул его глаза, а в зловещих зрачках уже зародилась тревога.

На кончиках его длинных, красиво очерченных век застыл багрянец, резко контрастирующий с бледной, нежной кожей лица.

Только что он был безумным демоном, потерявшим разум, а теперь, словно дитя, переживал из-за возможного недопонимания и хотел всё объяснить.

Гу Суйчжи понимал: это не был обычный Линь Му.

Это была минутная слабость, вызванная тем, что после падения во тьму сознание еще не пришло в норму, и под порывом чувств юноша на краткий миг открыл свою уязвимость.

Хм.

Надо же было мне это пропустить.

Гу Суйчжи преисполнился сожаления. Такой шанс! Линь Му сейчас был таким мягким и беззащитным — казалось, нажми посильнее, и он превратится в воду. И он, Владыка демонов, упустил этот момент.

Видя, что юноша уже обрел привычную холодную сдержанность, Гу Суйчжи мысленно схватился за сердце:

— Слушай, а мы не можем повторить? Ну, один разочек? Вернись в то состояние, и я обещаю — я тебя как следует утешу!

— Нет.

Линь Му с резким щелчком вернул меч в ножны и, легко оттолкнувшись от земли, покинул глубокую яму.

Он наклонился, тяжело переводя дух.

Демоническое состояние требовало колоссальных затрат духовных сил. За это короткое время его энергия была истощена до капли; руки и ноги ослабли, и ему пришлось опереться на меч, чтобы не упасть.

— Старший, вам нужно забрать что-то еще? Я...

Договорить он не успел. Нахлынувшая пустота сковала тело, в глазах внезапно потемнело, и он рухнул на землю.

Перед ледяным разломом Королевская змея Нефритовой бабочки откровенно скучал, устроившись в засаде.

Выход отсюда был только один. Те, кто вошел внутрь, оказались в ловушке — если только они не проруют новый туннель сквозь толщу скал, им не выбраться.

Впрочем, рыть под землей было задачей не из легких: окрестности изобиловали ядовитыми болотами, и едва покинув Бронзовый зал, беглецы столкнулись бы с едкими испарениями и смертоносными тварями. Финал был бы один.

Прошло немало времени, прежде чем в проеме показался силуэт.

Монстр уже предвкушающе оскалил клыки, готовясь устроить дерзким людишкам теплый прием, но в этот миг человек поднял голову.

Рассыпавшиеся черные волосы, мертвенно-бледное, точеное лицо... Неземная красота, подобная изваянию из снега и льда. В руке — меч, за плечами — ничего лишнего.

Это был Линь Му.

Яо в ту же секунду спрятал клыки и подобострастно подполз ближе:

— Невестка, вы наконец вышли!

Он вытянул шею, заглядывая за его спину, но не увидел даже тени других людей. Пошевелив своими крошечными мозгами, демон пришел к выводу:

Эти несчастные явились грабить могилу Босса и так некстати столкнулись с самим Боссом, который явно был не в духе... Живыми им не выбраться.

Он тут же принялся рассыпаться в похвалах:

— Вы прикончили их всех? Ох, ну кто бы сомневался...

— Заткнись.

Юноша, вышедший из пещеры, небрежно придерживая меч под мышкой, склонил голову набок, заплетая косу.

— Бесплезная тварь, — бросил он лениво.

Яо от неожиданности едва не прикусил собственный язык:

— Б-б-б-босс?!

Гу Суйчжи небрежно хмыкнул.

— А где Невестка?

— Он слишком устал и уснул.

Фраза прозвучала более чем двусмысленно.

— Ого, так вы уже... воссоединились? — Собеседник заговорщицки пригнул голову. — И волосы растрепаны... Неужто так бурно всё прошло? И косички ему плетете... Ох, какая идиллия, повезло Невестке!

Босс недовольно покосился на демона:

— Что ты несешь?

Яо озадаченно поскреб хвостом макушку. Он сказал что-то не то?

Гу Суйчжи указал на себя:

— Твоя Невестка.

— Угу, угу.

Он и так знал, что это Невестка. И что с того?

— Ему восемнадцать.

— ?

Молодой, конечно. И что?

— Прекрасен, точно весенний цвет.

— ??

С этим не поспоришь, но...

— Скромен и добродетелен.

Яо ощутил, как в его голове не осталось места для вопросов.

Скромный? Добродетельный?

Хоть одно из этих слов подходит Линь Му? С первой же встречи этот Невестка не то что не проявил мягкости или кротости — он ни единой улыбки никому не подарил!

Гу Суйчжи же, погруженный в свой воображаемый мир, продолжал с упоением:

Он окинул презрительным взглядом змея, которому было четыре тысячи восемьсот лет и который красотой напоминал сорняк у дороги, после чего выхватил меч и любовался на свое отражение.

— Он даже со мной заигрывает, — со вздохом добавил Владыка демонов.

Монстр начал всерьез подозревать, что его Босс слишком долго пробыл мертвым, и его рассудок помутился.

— Такой милый, а как он краснеет...

Диагноз подтвердился: Босс сошел с ума.

— Босс, на самом деле... — осторожно начал яо.

Это лечится, не теряйте надежды!

— Так что, — Гу Суйчжи с резким свистом вернул меч в ножны и твердо произнес: — Это МНЕ повезло!

— ...А.

Гу Суйчжи окинул его пренебрежительным взглядом:

— Что ты акаешь? Сразу видно — неуч, двух слов связать не можешь. То ли дело твоя Невестка! Послушал бы ты, как он со мной разговаривает — душа поет. Он ведь даже лица моего не видел, а для него я уже само совершенство. Как он меня превозносил! А видел бы ты, как он смущался, когда говорил, что я красавец... А когда он назвал меня мужем... Ах, муж — как же сладко звучит.

Кончик змеиного хвоста едва не продырявил ему голову от усердного почесывания. В конце концов он выдавил:

— Главное, что вы счастливы.

Главное — верьте в то, что сами говорите. Сама змея в это верила слабо. Но с другой стороны — Босс ведь мертв, почему бы ему не предаться фантазиям? Жизнь и так полна тягот, не стоит разрушать его последние прекрасные иллюзии.

Яо, решив подыграть Гу Суйчжи, кротко произнес:

— Пусть ваше счастье с Невесткой длится вечно.

Он был огромен; распластавшись на льду, его голова в десятки раз превосходила размерами Линь Му, а глаза находились выше его макушки. Глядя на юношу, змей невольно сделался косоглазым.

— Босс, раз уж вы очнулись, значит ли это, что скоро ваше воскрешение?

Раз уж и жену нашел, не гоже оставаться в мире теней.

Гу Суйчжи перед смертью достиг пика стадии Превращения в божество. Он не просто стоял на пороге вознесения — он погиб в тот самый момент, когда преодолевал Скорбь небесного грома! На таком уровне разница между человеком и богом почти стирается. Даже Небесное Дао не может так просто уничтожить подобное существо. Он был практически бессмертен.

Вспоминая о гибели Владыки демонов, змей сверкнул золотыми глазами, полными жажды крови:

— Босс, тогда...

— Это было не Дао, — перебил его Гу Суйчжи.

Небеса тоже следуют правилам. Он не совершал ничего такого, что разгневало бы богов настолько, чтобы они покарали его молнией без причины. А то, что он творил... Их мощи не хватило бы, чтобы убить его.

— Но почему тогда? — Собеседник замер. — С вашими силами вознесение было лишь вопросом времени. Не могли же они просто запретить вам стать богом только потому, что вы не их избранник?

— Это был Фу Чуцзи.

— ОН! — яростно выдохнул яо. — Вы столько для него сделали! Как он мог?! Скотина!

Гу Суйчжи задумчиво посмотрел на него.

— Босс, почему вы так на меня смотрите?

— Думаю... считается ли змей скотиной? — он вскинул бровь. — Пожалуй, нет.

— ...

— Ладно, не кипятись, — Владыка демонов был на редкость спокоен. — Не он, так нашелся бы кто-то другой. У меня было столько врагов, было бы странно, если бы они позволили мне спокойно вознестись. К тому же, убив меня...

Его губ коснулась странная, пугающая улыбка.

— Он обрек себя на участь куда более жуткую, чем моя смерть.

Змей всё еще кипел от негодования.

— Его уровень уже достиг Превращения в божество. Скоро и за ним придет Гром, и тогда...

Гу Суйчжи наконец закончил приводить в порядок длинные волосы Линь Му, заплетя их в косу, спадающую на плечо. С его лица не сходило выражение легкого злорадства:

— Как бы Небеса меня ни ненавидели, как бы ни хотели стереть меня как пятно на своей репутации, им придется следовать правилам и помочь мне отомстить.

— Так ему и надо! — свирепо подтвердил яо. — Пусть сожжет этого неблагодарного волка дотла!

— Эти Небеса... столько лет они изводили меня, пользуясь тем, что их не пощупать и не достать. Наконец-то и я смогу им досадить. Даже после смерти на душе стало легче.

Собеседник раздраженно ударил хвостом по льду:

— Но вы всё равно мертвы...

Оно того не стоило. Одно дело — насолить Небесам, и совсем другое — реальная смерть. Пусть душа мастера стадии Превращения в божество не угасает и может создать новую плоть, но сколько преград ждет на этом пути! Начинать всё с начала... Пусть это и быстрее, но всё же...

Гу Суйчжи легонько похлопал его по плоской морде:

— Не так ты всё считаешь.

Он не хотел объяснять, но видя, как змей искренне переживает, решил добавить пару слов. Вспомнить только, как раньше эта тварь на него и смотреть-то не хотела. А теперь, спустя тысячи лет после его гибели, когда ему самому было почти всё равно — жить или нет, — этот демон продолжал хранить его наследие и искренне оплакивал его судьбу.

— В моей крови был изъян. По всем законам я должен был умереть еще при рождении, а о пути заклинателя и мечтать не смел. То, что я дожил до вознесения — само по себе чудо. Но истинное бессмертие было для меня закрыто. Теперь же, умерев и создав новое тело, я смогу пройти этот путь заново, без былых ошибок. Кто знает, может, это и к лучшему.

Гу Суйчжи окинул взглядом изуродованную ледяную равнину, вспоминая, как когда-то одним взмахом руки сковал эти земли вечным льдом. Тогда он уже предвидел свой неизбежный конец. В последние дни своей жизни он часто часами сидел на вершине Черного лабиринта, глядя на деревню, которую он перенес сюда и заточил в ледяной панцирь.

— Когда нет пути назад, наконец решаешься на то, о чем раньше боялся даже помыслить, —

произнес Владыка демонов. — К тому же...

Старый змей, вспоминая минувшие века, преданно смотрел на него влажными глазами. Когда слезы уже готовы были брызнуть из его глаз, Босс закончил мысль:

— К тому же, теперь у меня есть твоя Невестка.

— ...

— И почему эти Небеса не намекнули мне раньше? Я бы давно переродился. Зачем мне было мучиться в том дряхлом теле, от которого голова раскалывалась так, что глаз не сомкнуть?

Яо в сотый раз за день лишился дара речи. Он искренне почувствовал, что жалеть Босса — значит быть последней душой.

— Ладно, продолжай тут свои бесчинства, мне пора. И веди себя скромнее, не ровен час — поймают и пустят на суп. Змеиный бульон, говорят, очень полезен.

— Я всё понял, Босс... Погодите... Суп? ВЫ ЕДИТЕ ЗМЕИНЫЙ СУП?!

Глаза змея стали размером с блюдца. Но Гу Суйчжи уже неспешно удалялся.

Он знал этот лес лучше, чем кто-либо другой. Местные твари по большей части были лишены разума и жили недолго, но он слишком долго держал их в страхе. Ужас перед ним въелся в их плоть, передаваясь из поколения в поколение на уровне инстинктов. Там, где он проходил, всё живое — от змей до крошечных пиявок — в панике разлеталось и уползло прочь.

Когда он покинул чащу, золотые лучи заходящего солнца пробились сквозь листву, осыпав его золотой пылью. Гу Суйчжи прикрыл глаза ладонью, глядя на пылающий диск светила, клонящегося к горизонту.

— Куда же нам теперь? Сяо Линь Му без чувств, нужно найти приличное место для отдыха...

Его взгляд упал на собственные руки, и он замер. Руки юноши были красивы: изящные кости, безупречные пропорции. Но вот кожа на ладонях и тыльной стороне... Грубые мозоли от тяжелого труда и бесконечных тренировок с мечом, а также темные следы от затянувшихся шрамов полностью лишали эти руки былого изящества.

А одежда...

Гу Суйчжи потянул за узкий обшлаг. Самая дешевая ткань — ни о каком комфорте или красоте

и речи не шло. Грубый желто-коричневый материал напоминал мешковину; крой был примитивен и служил лишь одной цели — не мешать работе. Этот наряд не стоил не то что духовных камней — за него и нескольких медяков бы не дали.

Он вспомнил те блюда, что заказывал в ресторане Острова персиковых цветов в нефритовом море. Каждое из них стоило сотни камней. Было ли это сочувствием или чем-то иным, но раньше он не задумывался о том, какую цену приходится платить другим.

Окончательно он утвердился в своем решении позже. Той ночью, на рынке.

Линь Му со знанием дела торговался с лавочником, заставляя того отступить и снизить неоправданно завышенную цену. Тогда Владыка демонов еще подшучивал над ним — мол, откуда такие таланты? Ведь торговец видел перед собой лишь угрюмого юношу, который явно не любил лишних слов и не умел торговаться, и именно поэтому наггел.

Тогда Линь Му, убрав покупки, спокойно ответил:

— Старший, я прожил среди простых смертных восемнадцать лет.

Он не стал жаловаться на судьбу, но эта короткая фраза упала в душу Гу Суйчжи, точно камень в тихий омут, пуская глубокие круги.

Восемнадцать лет в мире людей. Все эти годы он провел с семьей Ли. Родители Ли Чжунчэна были прикованы к постели, а сам Чжунчэн не знал тягот жизни и не имел представления о цене насущного хлеба. Если не он, то кто бы стал торговаться? Еда, одежда, лекарства для стариков, учеба Ли Чжунчэна — повсюду нужны были деньги. Неужели ради призрачного достоинства стоило позволять другим обкрадывать себя?

Прожив восемнадцать лет среди людей, невозможно не научиться считать медяки. Он не просто знал, как сбить цену. Он знал, сколько стоит фунт риса, какова цена на овощи в разное время года; знал, что в лавке торговца уксусом в конце месяца бывают скидки, а ткани в восточном квартале дешевле, чем в западном.

Весь тот месяц пути в мир заклинателей...

Он спешил, а когда уставал — медитировал прямо в глуши. Голод он переносил стоически. В начале пути к стадии Создания основ можно обходиться без пищи, но чувство голода никуда не девается. Никто не привыкает к этому сразу, но юноше хватило нескольких дней, чтобы адаптироваться к пустой утробе. Это было почти самоистязанием.

И всё же, когда Гу Суйчжи захотел изысканных яств, юноша, не колеблясь, продал свою единственную ценную вещь — нефритовый амулет, чтобы оплатить ужин, цена которого превышала все его расходы за прошлую жизнь.

Владыка демонов прекрасно понимал, что это было сделано из благодарности. Но понимание — это одно, а чувства — совсем другое.

Гу Суйчжи неспешно поправил рукава. Грубая ткань раздражала его кожу. Еще в прошлый раз, когда он занимал тело Линь Му, он заметил: из-за того, что он еще не вполне освоился, его тактильные ощущения были обострены. Порой ему казалось... будто чужие руки касаются его самого.

Он прикрыл глаза, определяя направление, и направился к ближайшему городу заклинателей.

Вечер следующего дня.

Столица Царства Линьюэ, одного из пяти южных государств. Перед фасадом самой роскошной столичной лавки тканей.

Гу Суйчжи задрал голову, любуясь великолепным зданием, украшенным фонарями и позолотой, и весело щелкнул пальцами.

— То, что нужно.

Стоило ему переступить порог, как к нему тут же подскочил приказчик, мгновенно оценив гостя. Заметив грубую одежду, парень на миг удивился, но не выказал ни тени пренебрежения. Напротив, он расплылся в подобострастной улыбке и принялся усердно зазывать гостя:

— Добро пожаловать, уважаемый господин! Желаете ли присмотреть ткани или заказать готовое платье? Наша лавка — лучшая в городе Цюэфан! Вам несказанно повезло: как раз вчера из Царства Сихань вернулась госпожа Цзинь Мэй — известнейшая мастерица нашего государства! Ее руки творят подлинные чудеса!

Гу Суйчжи огляделся вокруг и, оставшись доволен увиденным, небрежно бросил ему духовный камень.

— Покажите всё, что у вас есть. Наряды, украшения — от макушки до пят. Выбирайте самое лучшее. И позовите ту вышивальщицу, я сам с ней поговорю.

Увидев в руке чистейший духовный камень, сияние которого могло затмить солнце, приказчик чуть не лишился чувств. Его голос стал еще в несколько раз слаще:

— Сию минуту, господин! Всё будет исполнено в лучшем виде!

Линь Му пришел в себя той же ночью. Едва открыв глаза, он почувствовал — что-то не так.

«Я сплю в облаках?»

Сравнение было странным, но ощущение того, что он погружен в нечто невероятно мягкое и теплое, было пугающе реальным. Длинные ресницы дрогнули, и он окончательно проснулся. Прямо перед собой он увидел ярко накрашенное женское лицо. Женщина, кокетливо улыбаясь, склонилась над ним:

— О, вы проснулись? Хорошо ли вам спалось? Мы уже почти закончили, может, желаете вздремнуть еще немного?

— ...

Он замер, озираясь по сторонам, и с каждым мгновением его недоумение лишь росло. Юноша обнаружил себя в комнате, роскошь которой граничила с излишеством. Он лежал на невысоком ложе, настолько мягком, что тело буквально утопало в нем.

Его ноги были погружены в теплую воду, а руки разведены в стороны и покоились на специальных подставках. Несколько женщин в ярких нарядах суетились вокруг него, втирая что-то в его кожу. Аромат в комнате стоял настолько густой, что перехватывало дыхание.

Если он не ошибался, ложе было застелено Облачной парчой из сандаловой марли — тканью, за дюйм которой давали целое состояние. Кадка для воды была вырезана из Грушевого дерева закатного огня. А вода... это была чистейшая вода из духовного источника, за литр которой пришлось бы отдать целый духовный камень высшего качества!

Линь Му охватило беспокойство. Неужели Гу Суйчжи, воспользовавшись его бесчувственным состоянием, продал его в какой-нибудь роскошный бордель? Но разве в таких заведениях... так делают?

Юноша хотел было спросить, но вовремя прикусил язык, боясь выдать себя. Он решил затаиться и продолжить наблюдение. Взгляд его упал на зеркало неподалеку, и дыхание Линь Му на мгновение остановилось.

В бронзовом отражении на него смотрел прекрасный юноша с тонкими чертами лица. Кожа его сияла белизной, темные волосы рассыпались по плечам, а кончик носа и уголки глаз покраснели от горячего пара. На нем был новый наряд — кимоно из тяжелого черного шелка, прохладного, точно горный ручей.

Ворот, рукава и подол были оторочены золотом; искусная вышивка изображала вьющиеся

ветви дикой розы. Одежда сидела безупречно, повторяя каждый изгиб тела, но при этом даря ощущение полной свободы. Он слегка повел правой рукой и коснулся чего-то холодного.

Повернув голову, он увидел золотую кисть, спускающуюся из рукава. К ней был прикреплен изящный колокольчик, а подвеска была выполнена в форме золотого семени лотоса.

Линь Му погрузился в долгое, мертвенное молчание.

«Неужели...»

«Гу Суйчжи и впрямь продал меня в бордель?»

<http://bllate.org/book/15862/1436926>